

Глава 5

— Добрая моя сестрица, заждались мы тебя! Ну что, сладилось дело или нет? Дай хоть какой-нибудь ответ!

— Ах, виновата я, виновата, — запричитала сваха Ху, расшаркиваясь в извинениях. — Видать, в тот день по возвращении хлебнула я студёной воды на свою беду. А на завтра — жар да хворь, так меня скрутило, что едва жива осталась. Я бы и вчера пришла, да сил не было на дальнюю дорогу, вот и дотянула до сегодня.

— Семья Кан интересуется, пришёлся ли вам по нраву их парень. Если всё сладится, то двадцать шестое число — день добрый, жених сможет прийти.

Услышав, что жених может явиться на порог уже через пару дней, Чэнь Саньфан и Фань Шоулинь от радости не могли усидеть на месте и тут же горячо заверили, что всё их устраивает.

Когда первая волна восторга схлынула, Чэнь Саньфан с сожалением промолвила:

— Эх, приди эта радостная весть чуть раньше, и старший сын бы о ней узнал.

— Он так торопился осенью в горы, боялся упустить время, но всё равно прождал новостей целых два дня. Больше тянуть было нельзя, вот и ушёл сегодня на рассвете. Какая досада.

— Ничего страшного, — отмахнулась сваха Ху. — Главное, что дело сладилось. Узнает он часом раньше или часом позже — свадьба от него куда не денется.

— И то верно.

На следующее утро Фань Шоулинь отправился в горы, чтобы сообщить Фань Цзину добрую весть. Однако, добравшись до лесной хижины, он не застал сына на месте. Обойдя окрестности, он наткнулся лишь на пару свежих ловушек, но так и не понял, в какую часть леса ушёл Фань Цзин.

Просидев в хижине около часа и не дождавшись сына, Фань Шоулинь окончательно продрог и решил спуститься с горы.

Вернувшись домой ни с чем, он выслушал от Чэнь Саньфан добрую порцию брани. Фань Шоулинь молча снёс упрёки и на следующий день, ближе к полудню, снова поднялся в горы. Он рассчитал, что в обеденное время Фань Цзин непременно должен быть в хижине, но его снова ждало разочарование. Прождав до самого вечера и так и не увидев сына, он опять отправился домой, где его, как и ожидалось, встретила новая волна негодования жены.

На третий день Фань Шоулинь наотрез отказался идти в горы. Семья Ван с западной окраины деревни попросила его помочь управиться с кабаном, и он с самого утра укрылся там. Чэнь Саньфан, поняв, что руганью мужа не проймёшь, оставила его в покое. Сама она пойти не могла — попросту не знала, где искать хижину сына.

Поразмыслив, она решила, что Фань Цзин и так возвращается домой каждые пять-шесть дней, а значит, должен успеть вернуться до двадцать шестого числа. Тогда-то она ему всё и расскажет.

Тем временем обе семьи через сваху обговорили детали: размер выкупа и свадебное угощение.

Решили, что пир каждая сторона устраивает у себя, не вмешиваясь в дела другой. Семья Фань должна была передать в дар пять гуаней.

Семья Кан повела себя на удивление порядочно и запросила немного. В нынешние времена такая сумма выкупа за дочь или гэра считалась скромной, не говоря уже о зяте, приходящем в дом. Осознавая это, супруги не стали торговаться и, скрепя сердце, наскребли нужную сумму.

Как только сваха принесла документ о регистрации (цзици) Кан Хэ, они вручили ей запечатанный конверт с деньгами. Чэнь Саньфан с болью в сердце смотрела, как тяжёлые пять гуаней, собранные по одной медной монетке, превратились в лёгкий, почти невесомый листок бумаги.

Она с горечью подумала, как же сильно всё изменилось. В былые годы семья жениха, не имевшая ни земли, ни достатка, и рта бы не посмела раскрыть, чтобы привередничать — таких сразу браковали. Тогда семьи с дочерьми и гэрами только и делали, что получали выкупы, на которые тут же женили своих сыновей.

Но стоило начаться войне, как всё перевернулось с ног на голову. Жизнь дочерей и гэров и без того была несладкой, а теперь для тех, кто достиг брачного возраста, она стала и вовсе невыносимой. Кого из них дома не попрекали куском хлеба и не называли «разорительницей»?

Чэнь Саньфан мысленно вознесла молитву бодхисаттвам, прося о мире на земле и окончании войны. Она надеялась, что через несколько лет жизнь наладится, и двух её дочерей можно будет выдать замуж в хорошие семьи.

Она с тревогой погладила по голове младшую дочку, Цяоэр.

Девочка подняла подбородок и посмотрела на мать:

— Мама, а этой свахе можно доверять? Вдруг она заберёт наши деньги?

— Сваха Ху — официальная сваха (гуаньмэй), я сама видела её разрешение. Если она посмеет нас обмануть, мы пойдём в уездное управление, и её накажут палками.

В делах, касающихся денег, Чэнь Саньфан была предельно осторожна. В доме и так каждая монета на счету, было бы верхом глупости позволить себя обмануть.

— Значит, раз старший брат женится, у нас дома будет пир!

Услышав это, Чэнь Саньфан хмыкнула:

— У тебя на уме одни лакомства. Мы и так отдали все сбережения, что с таким трудом копили, только чтобы найти твоему брату мужа. Откуда у нас деньги на пир?

Личико Цяоэр тут же вытянулось. Если уж на такое важное событие, как свадьба брата, в доме не будет праздничного угощения, то когда же ещё доведётся полакомиться вдоволь?

И вот наступило двадцать шестое число.

Заметив, что припасы подошли к концу, Фань Цзин, собравший к тому времени новую партию лесных даров, решил спуститься с гор. Утром в горах стояла серая, промозглая мгла, моросил мелкий дождь, пробирая до костей осенним холодом.

Но стоило ему спуститься ниже, как туман рассеялся, и над деревней даже выглянуло бледное

солнце. Его одежда отсырела от горной измороси, несколько прядей волос, выбившись, прилипли ко лбу. Недлинные, но и не короткие, от влаги они превратились в острые колючки и лезли в глаза. Он пару раз откинул их, но без толку. Решив по возвращении обрезать их одним махом, он поднял голову и заметил впереди небольшую толпу. Люди о чём-то шумно спорили.

— Ох! Да Цзин, скорее сюда, иди к нам!

Одна из деревенских женщин, завидев Фань Цзина, словно узрела спасителя, и тут же принялась махать ему рукой.

— Тут какой-то чужак странный! Что ни спросишь — молчит. Не вор ли, что пришёл высматривать, где что плохо лежит?

Прислушиваясь к разноголосице, Фань Цзин подошёл ближе. Действительно, несколько женщин и фуланов, вооружившись мотыгами, окружили высокого мужчину. Фань Цзин заметил на его плече дорожную сумку верблюжьего цвета и небольшой сундучок в руке. На нём было длинное одеяние пепельного цвета, подол которого доходил почти до щиколоток, открывая взору пару добротных чёрных сапог из тонкой ткани.

Высокий, опрятно одетый... силуэт показался смутно знакомым. По его виду Фань Цзин заключил, что на вора он не похож. Впрочем, после сбора урожая амбары крестьян были полны зерна, что, несомненно, привлекало всякий сброд. Вороватые личности нередко бродили по деревням, выискивая лёгкую поживу. Поэтому к появлению незнакомцев следовало относиться с осторожностью. Если не удастся разобраться на месте, придётся отвести его к старосте (личжэну), решил Фань Цзин.

В этот момент окружённый мужчина, услышав шаги, обернулся. Их взгляды встретились. Фань Цзин удивлённо вскинул брови.

— Ты что здесь делаешь?

Увидев знакомое лицо, Кан Хэ почувствовал, как к глазам подступает горячая волна облегчения.

Ещё затемно семья Кан отправила его в путь на воловьей повозке из посёлка Ваншуй. Возница не стал въезжать в деревню, высадил его у самого входа и, убедившись, что он пошёл в нужном направлении, тут же уехал. Кан Хэ прошёл несколько шагов по деревенской дороге. После смотрин семья Кан не спускала с него глаз, опасаясь, как бы он по старой привычке не сбежал куда-нибудь, и в день отправки к семье Фань его попросту не найдут. Все эти дни он не мог и шагу ступить за порог.

И вот, наконец, обрётённая свобода. В его голове уже зрел план побега, но стоило ему сделать несколько шагов по деревне, прячась, пока не уедет повозка, как его окликнула какая-то словоохотливая женщина, работавшая в поле. Он не понимал местного говора (тухуа) и не разобрал ни слова.

Заметив, что он не отвечает, а лишь что-то бормочет, женщина тут же изменилась в лице и, громко крича, созвала подмогу. В мгновение ока его окружили люди с мотыгами, преграждая путь. Ещё немного, и эти мотыги обрушились бы на него.

Вся его былая решимость и уверенность в том, что он сможет прожить и без семьи Кан, испарилась. Лишь оказавшись в одиночестве, он в полной мере осознал, что это место — не его родные и спокойные края. Он не мог даже нормально поговорить с людьми, о каком заработке

могла идти речь?

Но Кан Хэ был человеком гибким. Не раздумывая ни секунды, он метнулся за спину Фань Цзина.

— Они... били меня! — прижимаясь к Фань Цзину и крепче стискивая свою сумку, он ткнул пальцем в сторону женщин и фуланов и, с трудом подбирая слова, пожаловался.

Фань Цзин замер на мгновение.

— Кто тебя бил! Мы тебя и пальцем не тронули! Не наговаривай на людей!

— Да Цзин, ты его знаешь?

Фань Цзин, не зная, что ответить, лишь коротко кивнул.

— Ох, а мы и не знали. Видим, лицо незнакомое, спрашиваем, к кому он, а он молчит.

— Только улыбается. Мы и подумали, что человек недобрый.

— А кто он тебе? Парень-то видный, ладный. Мы его раньше не видели. И говор у него, вроде, не наш, приезжий.

Фань Цзин бросил взгляд на Кан Хэ. Тот смотрел на него своими тёмными, как смоль, глазами, и в них светилась неподдельная радость. Поколебавшись секунду, он ответил селянам:

— Мой жених.

Сказав это, он схватил Кан Хэ за запястье и, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, потащил за собой. К тому времени, как удивлённые селяне пришли в себя, они были уже далеко.

— Жених? Чей жених?

— Лю Цинхуа, ты что, совсем ослепла? Да Цзин сам взял его за руку, чей же ещё. У Фань Шоулиня дочки ещё малы для замужества!

— Фань Да Цзин жениха себе нашёл?!

К счастью, Фань Цзин, зная нрав деревенских, увёл его как можно быстрее. Иначе бы их окружили любопытные женщины и фуланы, и не отпустили бы, пока не выведали бы всю подноготную до седьмого колена: кто, откуда, чем живёт и что ест.

Эта новость была настолько свежей и неожиданной, что теперь унылой деревне будет о чём посудачить до самого вечера.

Лишь свернув на тропинку, Фань Цзин отпустил его руку. Он хотел было задать Кан Хэ несколько вопросов, но, вспомнив о его недуге, передумал. Заметив, что тот несёт немало поклажи, он протянул руку, чтобы взять сундучок.

Но Кан Хэ, видя, что у Фань Цзина за спиной и так тяжёлая корзина, лямки которой туго врезались в плечи, не мог позволить ему нести ещё и свои вещи. Он покачал сундучком, показывая, что тот не тяжёлый, и указал на правую руку Фань Цзина.

Прошло уже десять дней, а он, оказывается, всё ещё помнил о его небольшой ране. От этого на

душе у Фань Цзина стало как-то неопределённо. Он молча раскрыл ладонь и показал её Кан Хэ.

Гной сошёл, рану он присыпал целебными травами, и она уже затянулась, оставив лишь тонкий шрам из новой, розовой кожи. Однако рядом с зажившим порезом виднелось несколько свежих царапин.

Кан Хэ нахмурился.

Заметив, куда устремлён его взгляд, Фань Цзин резко сжал ладонь и одновременно с этим ловко подцепил с плеча Кан Хэ его сумку. Он перехватил поклажу и зашагал в сторону дома.

— Эй!

Кан Хэ поспешил за ним. Так, один впереди, другой сзади, они и добрались до дома семьи Фань.

<http://bllate.org/book/13421/1194813>